

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДЕЛЕНИЯ ЭТНОГРАФИИ

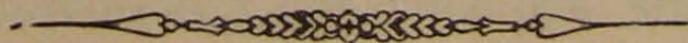
ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанского.

Выпускъ II

годъ седьмой

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія А. П. Лопухина Телѣжный пер., 3—5

1897

Почитаніе огня у крестьянъ-сибиряковъ Енисейской губерніи.

Огонь, какъ извѣстно, издавно являлся предметомъ особенного почитанія для многихъ народовъ. Вездѣ почти его возводили на степень божества и покланялись ему. Въ настоящее время символическое значеніе огня безсомнѣннія умалилось въ глазахъ народностей болѣе культурныхъ странъ. Но и здѣсь отыщутся укромные уголки, гдѣ населеніе еще вѣрно отжившимъ традиціямъ оботворенія огня. Въ нашемъ отечествѣ, напр., найдется не мало подобныхъ фактовъ. Сошлемся хотя на свидѣтельство „Нов. Время“¹⁾, перепечатанное затѣмъ журналомъ „Жив. Стар.“²⁾. Оно передаетъ о томъ, что жители волынскаго Полѣсся на своихъ свадьбахъ примѣняютъ огонь съ цѣлью разоблаченія интимной жизни молодой за время предшествовавшее ея замужству. День Ивана-Купала (24 іюня) въ Малороссіи рѣдко когда обходится безъ огня. Тамъ подъ сурдинку „купальскихъ“ напѣвовъ парубки и дѣвушки скачутъ черезъ пламя костровъ, разводимыхъ нарочно вечеромъ этого дня³⁾. Живя недолго въ Кременчужскомъ уѣздѣ, Полтав. губ., между прочимъ, мнѣ пришлось видѣть, какъ парубки въ продолженіи всей Ивановской ночи ходили съ зажженными пучками соломы, укрепленныхъ ивовыми прутьями къ длиннымъ шестамъ: при свѣтѣ такихъ своеобразныхъ факеловъ они переходили изъ хутора въ хуторъ, съ цѣлью навѣстить своихъ „коханокъ“. — При видѣ огня молніи люди большею частью впадаютъ въ паническій страхъ; когда случится, что молнія зажжетъ избу, зародѣли сѣна и т. п., большинство крестьянъ не дѣлаетъ никакихъ попытокъ затушить пожаръ, такъ какъ признается, что огонь молніи неугасимъ, онъ есть божеское наказаніе, противиться которому не должно. Такимъ образомъ заурядное физическое явленіе возводится въ культу и почитается какъ нѣчто сверхъестественное. Кремнѣвый огонь, высѣкаемый огнivомъ изъ кремня, примѣняется повсемѣстно при лѣченіи „летучаго огня“ и тоже надѣляется силой, способной уничтожить злокачественную сыпь... Эти и т. п. примѣры составляютъ наслѣдіе, цѣликомъ перешедшее къ намъ издревле, они суть отзвуки былыхъ языческихъ вѣрованій, до сихъ поръ осязаемыхъ ореоломъ фантастической поэзіи.

На огонь, какъ на очистительное средство, смотрятъ также

¹⁾ № 5303.

²⁾ Вып. II, 90 г., стр. 138.

³⁾ Къ вопросу о характерѣ и значеніи древнихъ „купальскихъ“ обрядовъ и игрищъ. — „Жив. Ст.“, стр. 138, вып. I, 96 г.

крестьяне-сибирики трехъ округовъ Енисейской губ.¹⁾. Они пользуются, напр., кремневымъ огнемъ. Во время чумы на домашній скотъпускаются имъ въ ходъ, такъ называемыя „курева“, которыя раскладываются въ разныхъ мѣстахъ паскотины²⁾ каждой деревушки той мѣстности, что объявлены на карантинномъ положеніи. Курева — это зажженныя кучи навоза (назыма), горѣніе ихъ поддерживается обыкновенно нанятыми для этого „приворотниками“³⁾. Кромѣ того они обязаны подвергать предварительному окуриванію лошадей проѣзжихъ и пасущійся въ паскотины скотъ, когда тотъ возвращается въ деревню. Дѣлается это весьма просто: животныя подпускаются къ куреву съ подвѣтренной стороны, чтобы охватило ихъ дымомъ. Операциѣ длится одно мгновеніе и можетъ, какъ полагаютъ, „очистить“, т. е. привести къ выздоровлѣнію зачумленный уже скотъ, а здоровую часть его предохранить отъ зараженія — „сильнѣе лишь уповай на Бога“! — говорится въ заключеніи. Упрощенная до нельзяя теорія огненнаго очищенія, понятно, не оправдывается на практикѣ и даетъ самые печальные результаты. Прибѣгаешь народъ къ ея помощи, самъ собой разумѣется, въ силу незнанія лучшихъ и цѣлесообразныхъ средствъ борьбы съ явленіями эпизоотіи. Но гдѣ ему почерпнуть нужныя для этого свѣдѣнія?

Тоже самое слѣдуетъ сказать по поводу очищенія при посредствѣ огня, производимаго въ моменты „людскихъ болѣстей“, принимающихъ эпидемической характеръ. Оно тождественно съ предыдущимъ способомъ и выполняется по одному и тому же шаблону, съ тою только разницей, что окуриванію подвергаются преимущественно люди, входящія и выходящія черезъ врата временнаго чистилища. Такъ было применѣ въ Ужурской вол., Ачинскаго окр. во время холеры 1892 года⁴⁾.

Нѣчто подобное разсказывается г. Шустиковымъ въ его передачѣ о „повѣрьяхъ, суевѣріяхъ и жителей Троичины⁵⁾.

Для человѣка не крестьянской среды „назѣмныя курева“ будуть лишь непріятнымъ препятствиемъ, безцѣльно задерживающимъ путника въ дорогѣ — и больше ничего. Для крестьянъ эти смердящія кучи являются достовѣрными указателями на несчастье, которому подверглось то или другое селеніе; онѣ для нихъ предметъ суевѣрнаго почтанія, ради котораго сельчане безпрекословно подвергаются немногосложнымъ правиламъ, предписываемымъ оригинальнымъ обычаемъ народнаго карантина. Внутри каждой дымящейся наземной кучи, изготавляемой въ экстраординарныхъ случаяхъ, горитъ огонь, играющій въ жизни крестьянъ выдающуюся роль. Онъ не какой нибудь простой огонь, а „деревянный“, которому приписывается мнѣніемъ крестьянской среды вышеозначенныхъ округовъ чрезвычайная цѣлебная сила.

¹⁾ Это вѣрно по отношенію крестьянъ Ачинскаго, Енисейскаго и части Красноярскаго округовъ.

²⁾ Выгонъ для скота, примыкающій къ жилымъ строеніямъ деревни; онъ обносится изгородью, дѣлавшагося изъ жердей, на тотъ случай, чтобы пасущійся скотъ не могъ свободно попасть на пашни и причинить вредъ хлѣbamъ.

³⁾ Приворотникъ — сидящій у воротъ паскотины; занятіе его состоитъ въ томъ, чтобы впускать и выпускать изъ деревни проѣзжихъ; его нанимаютъ вскорѣ послѣ весеннаго сѣва вплоть до уборки съ полей хлѣба.

⁴⁾ Объ этомъ подробнѣе разсказано въ неизданныхъ еще „Матеріалахъ по народ. медиц.“ Ужурск. вол., Ачинск. окр., Енис. губ., составленныхъ при моемъ участіи.

⁵⁾ Троичина Кадниковскаго уѣз., Вологод. губ. — „Жив. Стар.“, стр. 120 вып. III, 95 г.

Въ той же Ужурской волости, особливо въ старину, съ помощью деревянного огня окуривался домашний скотъ. Дѣлалось это въ великий четвергъ, когда начиналась заутреня, въ видахъ ограждения животныхъ отъ продѣлокъ нечистой силы, отъ мора и т. п. напастей, уносящихъ съ собой сотни и тысячи головъ весьма полезныхъ пособниковъ человѣка. Надо думать, этотъ же огонь зажигается въ куревахъ и теперь еще во время падежа скота, но возможно, что обходятся безъ него, и курева зажигаются обыкновеннымъ огнемъ скорѣе всего изъ подражанія къ прошлому вѣрованію, не успѣвшему окончательно остыть въ людяхъ, еще не такъ давно бывшихъ въ полной власти суевѣрнаго почитанія деревянного огня. Въ такомъ именно переходномъ состояніи находятся жители подгородныхъ деревень Красноярского округа. Тамъ можно встрѣтить крестьянъ, которые употребленіе деревянного огня относятъ всецѣло на счетъ старины и „дурачества“ своихъ предковъ; другіе, болѣе пожилые, сохранили одно лишь воспоминаніе о томъ времени, когда деревянный огонь добывался по великимъ четвергамъ—но лѣтъ 15—20 уже прошло, какъ и это перестали дѣлать ¹⁾.

За то въ с. Усть-Тунгусскомъ, Маклаков. вол., Енисейск. окр., деревянный огонь добывается каждый разъ во время валежки домашняго скота. Разсказчица Анна Казанцева, уроженка этого села, завѣряла, что такой же точно огонь воспроизводится въ тожественныхъ случаяхъ по всей Маклаковской волости. Когда этотъ обычай вошелъ въ употребленіе, „того времени, говорить она, и наши дѣдушки не запомнятъ“.

Давность существующаго почитанія деревянного огня подтверждаетъ отзывъ извѣстной уже читателямъ „Жив. Стар.“ ²⁾ древней старушки Марины Лыткиной. Она передавала, что въ далекомъ дѣствѣ, будучи ребенкомъ 8—9 лѣтъ, сидѣла однажды на брусе, держа въ рученкахъ трутъ, въ ожиданіи, пока не нагрѣется брусъ, о который терли сухой лучиной, чтобы потомъ приложить къ нему трутъ и раздуть огонь. Ей перевалило за 80 лѣтъ; сама она уроженка д. Лопаткиной Казачинской вол. ³⁾. Этой же волости крестьянинъ д. Мысовской (Мысы-тожъ) Сѣргѣй Семеновъ (нынѣ живущій въ с. Казачинскомъ) говоритъ, когда „случалось или случатся неблагополучіе на скотѣ, у нихъ зажигаютъ по паскотинѣ деревянный огонь, и это заведеніе установлено еще ихъ отцами“. Деревнюшка Мысы близко граничитъ, между прочимъ, (всего въ 20 вер.) съ Бѣльской и Яланской волостями, гдѣ, по сказанію Семенова, жителями практикуется тоже самое. Въ чертѣ села Казачинского, 10—12 лѣтъ тому назадъ, было „неблагополучіе на рогатомъ скотѣ“, и тогда зажигался по паскотинѣ деревянный огонь,—это помнить парень (18 л.) Василій Лыткинъ. Наконецъ, у воротъ паскотины д. Курбатовой (Башкиры тоже), лежащей въ 4 вер. отъ с. Казачинского, не далѣе какъ въ 1895 г. горѣлъ деревянный огонь ради предупрежденія распространенія чумной заразы, начинавшей было пошаливать въ этой деревнѣ.

¹⁾ Изъ личныхъ разспросовъ крестьянъ-ямщиковъ Красноярск. окр., проходившихъ съ обозомъ чрезъ с. Козачинское въ декабрѣ 1896 г.

²⁾ Вып. III и IV, 1895 г., стр. 351—352.

³⁾ Эта деревня не только соединилась постройками съ примыкавшими къ ней с. Рождественскимъ (гдѣ ранѣе находился женскій монастырь одного съ нимъ названія, нынѣ перепесенный въ г. Енисейскъ), но и вошла цѣликомъ въ его администр. управлѣніе и приняло его наименованіе; теперь отъ прежней д. Лопаткиной осталась лишь улица, именуемая Лопатовской.

Ограничась приведенными сообщеніями фактическихъ данныхъ относительно вѣрованія крестьянъ-сибиряковъ въ животворную силу деревяннаго огня, перейду затѣмъ къ описанію пріемовъ добыванія его, весьма распространенныхъ въ районѣ знакомыхъ намъ мѣстностей.

Добываніе деревяннаго огня.

Деревянный огонь—изъ дерева добытый огонь самымъ примитивнымъ способомъ, путемъ простаго тренія куска дерева о дерево на подобіе того, какъ это дѣлалось народами въ доисторической періодъ.

Въ Ужурской волости, по словамъ старожиловъ, деревянный огонь добывался слѣдующимъ порядкомъ.

Между пятками двухъ деревянныхъ стоекъ незатѣйливо сдѣланаго подобія токарного станка (см. рис. 1) вставляется хорошо высу-

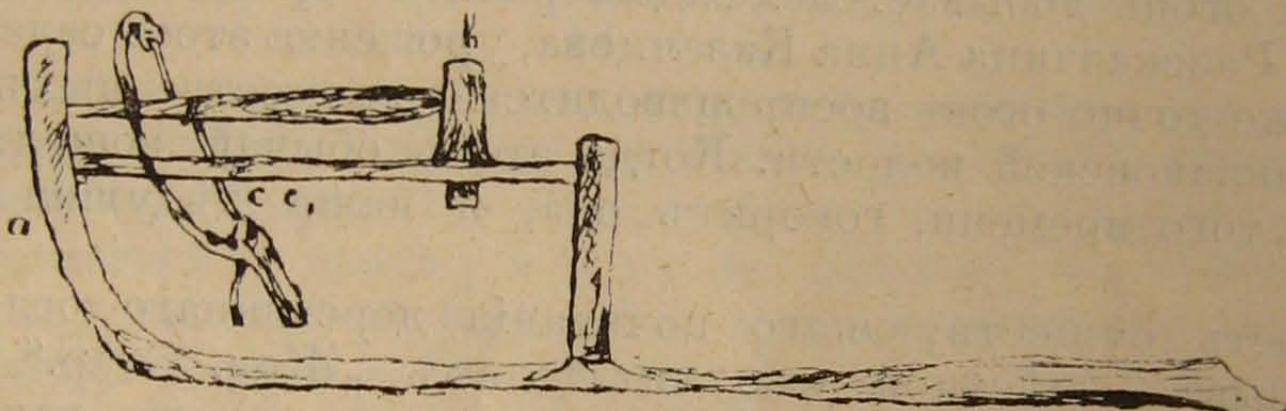

Рис. 1. Одна изъ стоекъ а) составляетъ изогнутую часть полоза старыхъ саней, другая б) будетъ вертикальная плашка съ заклинкой на нижнемъ концѣ; она передвигается руками вдоль горизонтально-параллельныхъ между собой двухъ брусковъ (сс.). На этомъ станочкѣ до сихъ поръ обтачиваются и обжигаются всѣмъ известныя веретена (веретенки).

шенный и гладко обдѣланный обрубочекъ изъ березового дерева; на него надѣвается лучекъ, ременной тетивой своей онъ обнимаетъ обрубочекъ взаплетъ; лучекъ дергается лѣвой рукой вверхъ и внизъ; движения руки должны быть ускорены и безостановочны; обрубочекъ быстро вертится и трется о лучинку, приставленную къ его утолщенному концу; они обоядно нагрѣваются, отчего появляется дымокъ; тогда подносятъ къ мѣсту наибольшаго тренія кусочекъ трута: на него переходитъ съ обрубочка едва замѣтная искорка и зажигается—это и будетъ деревянный огонь; тлѣющій трутъ „придуваютъ“ къ сосновымъ уголькамъ, какъ болѣе мягкимъ и быстро разгорающимся; отъ нихъ зажигается лучинка, а затѣмъ дрова въ печи; послѣ ихъ сгорания угли загребались въ загнѣть и тщательно засыпались пепломъ. Въ самую заутреню угольки доставались изъ загнѣти и клались на желѣзко; на нихъ жгли „вихорево гнѣздо“ (*Plica Betulae albae*)¹⁾, представляющее собой скопленіе въ одномъ мѣстѣ на березѣ множества мелкихъ сухихъ вѣточекъ. Съ такимъ куревомъ домохозяева обходили вокругъ домашнаго скота. Въ великий четвергъ слѣдующаго года деревянный огонь добывался заново²⁾.

¹⁾ По опредѣленію завѣдывающаго Минусинскимъ Публич. Музеемъ Н. М. Мартынова.

²⁾ Выписка изъ тѣхъ же „Материаловъ по парод. медиц. Ужурск. вол.“, не сколько дополненная.

Усть-Тунгушенцы добывают деревянный огонь одинаковымъ образомъ на такого же типа станкѣ. Между стоекъ вставляется гладкий болвашикъ сухаго березоваго дерева; добыватель лѣвой рукой быстро вращаетъ его лучкомъ, другой приставляетъ къ нему тоненькую луchinку¹⁾ съ небольшой выимочкой на передовомъ концѣ, такъ что она обхватываетъ болвашикъ въ видѣ обоймы. Верченіе длится, пока надъ нимъ не покажется дымокъ; тогда, по просьбѣ добывателя, кто нибудь изъ присутствующихъ подноситъ къ болвашику трутъ; тотъ берется огонькомъ; его придуваютъ сперва къ сосновымъ уголькамъ; отъ нихъ, черезъ лучинки, зажигаютъ два-три костра дровъ, раскладываемыхъ по краямъ села; костры заваливаются назытомъ, чтобы огонь не пылалъ пламенемъ,— онъ долженъ только „шаять“ (тлѣть); это и будутъ курева самыя настоящія: окуриваясь ими, „скотъ не станетъ заражаться чумой“. Курева поддерживаются поочередно самими домохозяевами этого села или нанятыми для этого людьми.

„Въ д. Лопаткиной, говорить М. Лыткина, въ досельшину²⁾ дѣлалось такъ: на брусьяхъ кутняго угла избы (что у печи) высѣкали не глубокія зарубы; въ нихъ вкладывался концами катокъ (что употребляется для катки бѣлья), а на него надѣвали ремень; концы его наматывали на обѣ руки и скрехонько передергивали ими вверхъ и внизъ; катокъ, вертясь, терся о брусья, нагревался и брался дымкомъ; опосля того къ одному изъ его концевъ приклывали трутъ, онъ зажигался. Каждую весну добывали деревянный огонь и отъ него зажигали наземны курева, которые клались подъ крышки³⁾; такихъ крышеекъ было нѣсколько по паскотинѣ: скотъ сходился къ куревамъ, чтобы избѣжать мошки, да и отъ заразы спасался.

Уроженецъ села Устюгъ, Красноярск. окр., крестьянинъ С. Чупровъ передавалъ, что у нихъ деревянный огонь добывался такъ: сухой сосновой палкой терли о брусья кутняго угла, отчего тотъ нагревался и испускалъ дымъ, тогда торопились приложить къ мѣсту тренія кусочекъ трута, который брался огонькомъ; имъ затеплялась лучинка, отъ нея дрова, а съ угольковъ послѣднихъ окуривался домашній скотъ.

Въ с. Казачинскомъ поступали нѣсколько иначе. Отецъ и дядя Василія Лыткина приподымами верхнюю заплотину (бревешко въ заборѣ), въ отверстіе просовывали трехгранную палку, чисто выстругенную изъ березоваго полѣна, длиной нѣмного больше аршина; одинъ изъ нихъ, находясь внутри двора, тащить ее къ себѣ, другой, стоя снаружи, дѣлалъ тоже самое, какъ будто бы пилили что; оба работали съ одинаковымъ усердіемъ, пока заплотина не зашатала; тогда мальчику было приказано приложить трутъ, гдѣ терли палкой, что тотъ съ успѣхомъ и выполнилъ,— трутъ вскорѣ загорѣлся.

Чтобы провѣрить полученные показанія о добываніи деревяннаго огня, я обратился къ Сергею Семенову съ просьбой показать, какъ это дѣлается на практикѣ. Онъ извѣстилъ согласіе. Дѣло это было для него привычное: онъ самъ умѣлъ точить веретенки и держалъ для этого нужный станокъ и прочія принадлежности (см. рис. II). Тотчасъ же его сняли съ вышки, гдѣ давно уже валялся безъ всяаго употребленія, кое-какъ исправили, вытесали болвашикъ изъ сухаго полена,

¹⁾ Лучинкой служить „хребтовина“ (верхній слой) сокового полѣна, заготовляемаго весной изъ березы, когда съ нея легко сдирается кора.

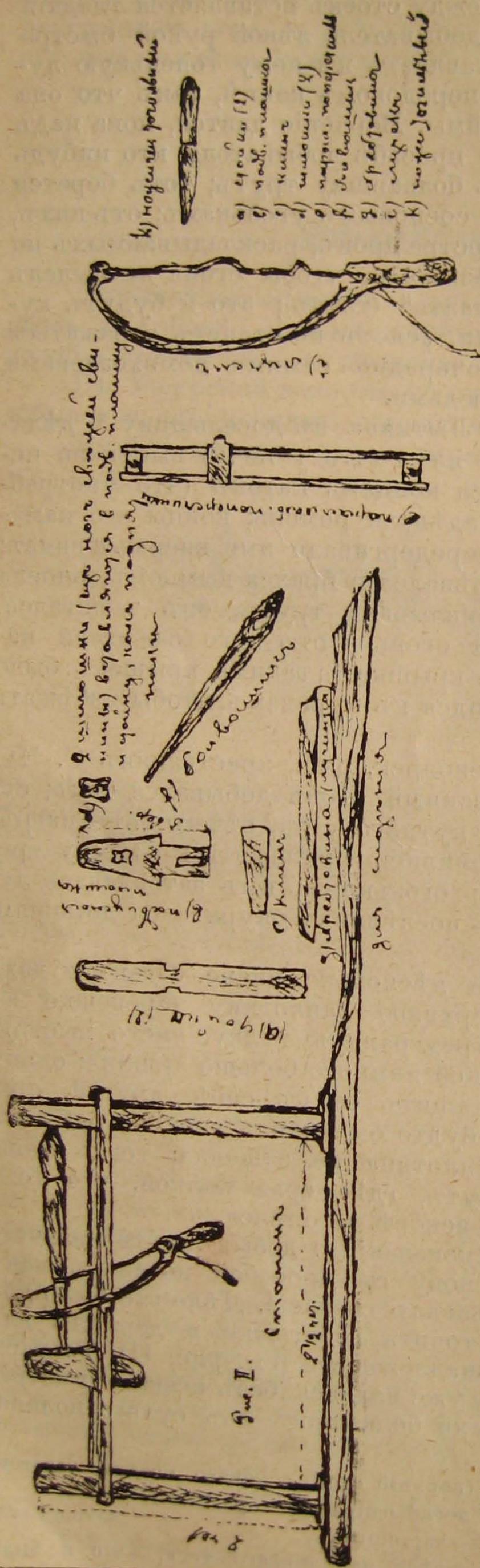
²⁾ Досельшина—старина; досельный—старинный.

³⁾ На четырехъ столбахъ дѣлался павѣнь изъ тонкаго теса,— это и были крышки, о которыхъ говорить Л.—на.

„мало-малы“ обточили и,

немедля ни минуты, приступили къ добыванію огня. Оно производилось одинаково, какъ описано было по отношенію къ с. Ужуру. Не дальше какъ черезъ минуту болвашикъ курился сизоватымъ дымкомъ съ специфическимъ запахомъ горѣлого дерева, сейчасъ же паднесли кусочекъ трута... но увы! Прошло 45 минутъ въ тщетныхъ усилияхъ, а огня не добыли: при верченіи болвашика вбityя на скорую руку заклинки расположились, подвижная стойка не держалась на мѣстѣ; въ концѣ концовъ станокъ окончательно „расхлябался“; болвашикъ то и дѣло выскакивалъ изъ своихъ гнѣздъ; надо бы горѣть труту, а тутъ—трахъ, и вѣсъ наладъ разстраивался. При такихъ несовершенныхъ условіяхъ работы нельзя было разсчитывать на успѣхъ. Пришлось оставить занятіе. Пробовали тереть о брусье лучиной, но и изъ того ничего не вышло.

Все же видѣть, какъ добывается деревянный огонь, было довольно интересно. Ради этого я продолжалъ искать умѣлаго человѣка. Благодаря содѣйствію псаломщика Н. Быстрова, мнѣ удалось сойтись съ звонаремъ казачинской церкви Терентіемъ Алексѣевичемъ, какъ обыкновенно его зовутъ. Онъ оказался самымъ подходящимъ для этого случая, такъ какъ постоянно занимался вытачиваніемъ веретешекъ, кромѣ того не разъ и не два былъ приглашаемъ для добыванія деревяннаго огня во время „неблагополучій на скотъ“ и вообще слыть какъ мастеръ своего дѣла. Т. А.—чъ велѣлъ зайти къ нему черезъ три дня, нужно было приготовить болвашикъ и хребтовину, хорошенъко просушить, иначе немыслимо было, по его мнѣнію, добыть деревянный огонь. Въ назначенный срокъ мы уже были въ церковной сторожкѣ. Т. А.—чъ ужиналъ. Мы осмотрѣли станокъ ¹⁾, вставили болвашикъ, надѣли лучекъ, дергали вверхъ и внизъ, но не равномѣрно съ продолжительными паузами, оттого кромѣ дыму

¹⁾ Почти одинаковой конструкціи со станкомъ Семенова. См. рис. II.

ничего не получалось. Т. А.—чъ ехидно посмѣивался. Закончивъ трапезу, онъ усѣлся за станокъ, предварительно помывъ руки, испачканныя въ рыбѣ; неторопясь укрѣпилъ болвашикъ, обточилъ на веретеншко, приставилъ хребтовину и тогда уже ускоренно задергалъ лучкомъ; вскорѣ лучинка какъ бы врѣзилась въ болвашикъ и опоясала черноватымъ кольцомъ; изъ глубины его вился уже дымокъ, дѣлавшійся все гуще и гуще. Дерево визжало. Терентій съ трудомъ дышалъ, обливался потомъ, но не переставалъ работать лѣвой рукой... И вотъ слышится „Приложъ-ко трутъ“! Приказаніе моментально было исполнено. Едва трутъ коснулся разгоряченного дерева, какъ зашаяль и взялся огонькомъ... Цѣль была достигнута.

Совершившійся фактъ, будто бы, доказываетъ, что Терентій Алексѣевичъ принадлежитъ къ числу счастливыхъ людей, которымъ, по общему увѣренію, только и дается добыча деревяннаго огня. Семеновъ, съ которымъ впервые мы потерпѣли неудачу, съ своей стороны утверждаетъ, что, живя въ д. Мысы, ему приходилось нѣсколько разъ добывать этотъ огонь на своемъ станкѣ. Не вѣрить этому нѣть основанія. Очевидно тутъ дѣло не въ счастіи, а въ исправности прежде всего токарнаго станка, въ заблаговременной заготовкѣ необходимаго материала, въ терпѣніи и сноровкѣ мастера. Это безусловно вѣрно. По крайней мѣрѣ въ „новыхъ деревняхъ“, говорить Семеновъ, не могутъ добыть деревяннаго огня потому только, что не знаютъ, какъ выполнить это. Не далеко отъ ихъ деревни поселились переселенцы, по происхожденію зыряны и образовали „новую деревню“, наименовавъ ее Зыряны. Однажды въ ней случилось „неблагополучіе на рогатомъ скотѣ“, зыряны старались бороться съ напастью „своимъ средствомъ“ и, наслышавшись о пользѣ деревяннаго огня, вѣдумали добыть себѣ. Вѣдумано—сдѣлано. Зыряны завели станокъ, натесали болвашиковъ... но сколько не потѣли надъ ними, огня не добыли. Тогда они просили мысовскихъ, тѣ, добывъ дома, возили въ Зыряны деревянный огонь въ видѣ головней, обугленныхъ на кострѣ такого огня.

На основаніи сообщеній живыхъ свидѣтелей можно вывести цѣлый рядъ заключеній: 1) почитаніе огня въ Сибири фактъ безспорный; 2) оно тянетъ непрерывною сѣтью (пока доказано) черезъ три округа Енисейской губерніи и, теряясь въ вѣдрахъ глубокой старины, еще живо наканунѣ XX столѣтія; 3) между различными видами огня, почитаемыхъ крестьянами-сибиряками, первенствующее мѣсто занимаетъ несомнѣнно деревянный огонь; 4) что по мѣрѣ передвиженія на сѣверъ Енисейской губ., на значительномъ пространствѣ округа одного съ нею названія (енисейскаго), вѣрованіе въ цѣлебную силу деревяннаго огня остается пока во всей первобытной чистотѣ.

Конечно этими соображеніями не исчерпывается вопросъ о почитаніи крестьянами-сибиряками огня вообще и деревяннаго въ частности. Остается пожелать, чтобы другіе изслѣдователи обратили на него свое вниманіе. Можетъ быть отыщутся болѣе солидныя данныя, которые не оставятъ сомнѣній на счетъ сущности вѣрованія народа въ огонь.

Алексѣй Макаренко.